

Произведение « Красный мак»

Красный мак*

Повесть

(В сокращении)

Зимние сумерки спустились на землю. Буран свирепствовал второй день, завьюжив всю округу. В пяти шагах ничего нельзя было рассмотреть. В такую погоду за околицу вышел человек среднего роста, одетый лишь в короткий пиджачок, и, утопая по колена в снегу, пошел в сторону ближайшего селения. Он то прикрывал руками лицо, то размахивал ими, как крыльями, точно опирался об упругие порывы ветра. Человек был весь в снегу, словно белый медведь. Валенки и ушанку быстро сковала снежная наледь. Вокруг него, словно туча белых слепней, кружились колючие снежинки и больно били по лицу. Человек наконец добежал до соседней деревни. Волчьими глазами встретили его огни в небольших окнах домов. Здесь буран несколько сбавил свой пыл, но вьюга свистела и визжала сильнее, чем в поле.

Человек поравнялся с приземистой, полузанесенной снегом избой. С трудом открыв ворота, быстро взбежал на крыльцо, веником обмел валенки и одежду. Примерзшие к валенкам и пиджачку снежинки застучали, как бусы. Человек бросил веник и дернул скобу двери.

В жарко натопленной избе стояли четыре опечаленные женщины возле постели, в которой лежал не то мальчик, не то девочка. Голубые глаза с тонкими изгибами бровей выражали покой, продолговатое лицо было неестественно бледно, грудь вздымалась тяжело. Вот раздался резкий надрывный кашель, отчего голова больного дернулась, чуть не скатилась с подушки, и стало видно, что это была девочка лет пятнадцати.

Худенькая пожилая женщина, сидевшая у изголовья больной, тихо всхлипнула. Заметив чужого человека, она перестала плакать. Незнакомец порывисто снял шапку и тихо поздоровался. Но ему никто не ответил. Тогда он решительно шагнул вперед и подошел к больной.

И тут заговорили все сразу:

— Это же он пришел!

— Это он!

* Перевод Я. Мустафина.

— И он посмел еще явиться!

Худенькая женщина медленно поднялась и уставилась на молодого человека широко раскрытыми глазами, полными ужаса и ненависти. На мгновение, казалось, она оцепенела, потом, вспомнив о чем-то, кинулась на кухню. Выбежала оттуда с кочергой и, подняв ее, двинулась на пришельца. Однако парень, ловко перехватив кочергу, спокойно смотрел на женщину.

— А ну, убирайся отсюда! Убирайся! — закричала женщина в исступлении, и ее голос сорвался на визг: — Голову разможу!.. Что вы сделали с моим ребенком? Говори! — кричала женщина, стараясь вырвать кочергу из рук парня.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы девочка вновь не зашла в тяжелом кашле. Женщина сникла и тихо заплакала.

— И зачем только я ее пустила в школу?! Вот чему там ее научили...

Молодой человек хотел что-то сказать, но больная опять надрывно закашлялась.

Оглядевшись по сторонам, парень прошел вперед и сел на стул. Вынул из кармана носовой платок, вытер вспотевший лоб. Потом повернулся к хозяйке и стал ждать, когда та перестанет плакать. Но, видя, что этого ему не дожидаться, парень тихо сказал:

— Успокойтесь, пожалуйста.

Две женщины, молча стоявшие поодаль, посмотрели на него осуждающе, но смолчали. Хозяйка же, медленно подняв голову, обернулась. Глаза ее налились яростью.

— Ты... ты все еще не ушел?! — Она сжала кулаки.

Одна из женщин нагнулась к ней и тихо сказала:

— Ты послушай все-таки, что он скажет...

Хозяйка безмолвно застыла в ожидании.

— Вот вы ругаете школу, меня, — устало начал парень. — Я и сам почти школьник. И виноват я только, пожалуй, в том, что готовлюсь стать учителем. Я причиню вам боль, но должен вам сказать... Ваша дочь в родном доме росла чужой. В вашей семье детьми не занимаются. Вместо убеждения и ласки — ругань, побои...

— Ты, ты... Выходит, я во всем виновата? А ты попробуй сам один вырастить такую ораву! Ты вот лучше скажи, чему

вы ее в школе научили? Волосы завивать да по клубам бегать?

— Никто ее этому не учил, — спокойно ответил парень. — Может, школа в чем-то и повинна... Но вырастить молодое поколение — это дело не только школы, но и семьи, а если хотите, то и дело всех окружающих... А если один другого будет гнать кочергой, то этим делу не поможешь. Мы просто не найдем общего языка. Но сейчас еще не поздно исправить все...

Молодой человек замолчал и пристально обвел глазами женщин. А те, то ли удивляясь его спокойному тону, то ли не соглашаясь с ним, стояли молча и глядели на парня во все глаза, будто говорил он им о чем-то диковинном...

...Полдень... Сыплет осенняя «крупя» — похожий на просо снег. По полю, задумавшись, идет девочка. Она в черном пальто с большим бобровым воротником. Концы белой шали завязаны сзади. Пальто плотно облегает стройную фигурку девочки. Голубые глаза ее устремлены куда-то вдаль. Под ногами поскрипывает схваченная с ночи морозом земля.

Небо затянуло легкой синева-бурой пленкой. На горе, справа, — небольшой, уже отряхнувший листву лес, похожий на сказочный курган улыпа. Он тянется серовато-синей полосой, напоминая ей щетину обозленного гигантского кабана. По дороге шуршат кусты молочая и осота, их пушистые головки намокли под дождем и сваялись в серые комочки. На бурьяне бьется стебель гороха, трепещет изо всех сил, но никак не может освободиться. Откуда-то, прямо как из-под земли, выбежала мышь. Заметив человека, юркнула обратно.

Между листьями ивняка, почерневшими от заморозков, щебечет целая стайка собравшихся в дорогу птичек. Они звенят так, словно кто-то позвякивает большой связкой ключей. Увидев девочку, они взмахнули крыльями, взлетели и тут же опустились на ближний куст.

Девочка постояла, посмотрела вокруг и прямо через пашню направилась в сторону лугов.

Вода в маленькой речушке зеленоватая, словно творожная сыворотка. Вот налетел порыв ветра, и вода сразу потемнела, точно над ней проплыла черная туча. Речка покрылась рябью мелких волн. На берегу грустно и устало шуршит сухая трава.

С тревогой и любопытством смотрит девочка на причуды природы.

...До этой осени для нее все было иным. Она могла целыми днями носиться с мальчишками, лазить по деревьям, играть с ними в войну, прятки. Мальчишкам никогда не давала спуску. Даже осенние пасмурные дни не могли омрачить ее настроения. И вдруг с ней что-то случилось. Все окружающее изменилось для нее. И в душе стало пробуждаться какое-то непонятное тревожное чувство... словно сердцу чего-то недоставало, словно что-то пропало. Причин нет, а на душе неспокойно, какое-то незнакомое чувство волнует ее. Исчезла, похоже, сказка детства! А может, просто какой-то хрупкий кусочек души надломился, который, как волшебство, придавал всему своеобразный цвет, радость, беспечность?

И ходит теперь Тамара по дугам и лесочкам, разыскивает свою пропажу. Пристально всматривается она в травы, цветы, листья, деревья, прислушивается к пению птиц...

И это безымянное, исчезнувшее из души, но всегда приносящее доброе и веселое настроение, кажется, сейчас сохранилось лишь в тех предметах, которые она никогда не видела и не знала. Если оно — это незнакомое, томящее душу, существовало на земле до нее, то где-нибудь да оно есть и сейчас! Может, в вещах, до которых не разрешают дотрагиваться? В делах, которые запрещают совершать?..

Однако незнакомое состояние души зачастую сменяется каким-то новым определенным и удивительно волнующим чувством. И ворвалось оно в сердце Тамары, когда они возвращались со школьного вечера. Тамара его хорошо знает, он хороший парнишка. На уроках она часто ловила на себе его взгляд, брошенный украдкой... Другие мальчишки по сравнению с ним кажутся угловатыми и совсем не симпатичными. Он сказал тогда Тамаре шепотом, таинственно, одно слово. Это слово она до сих пор слышала только в песнях. А теперь ей самой сказали это слово!

А потом они еще прошли вдоль вот этого берега вдвоем. Казалось тогда, что они могут вечно шагать рядом, держась за руки, и слушать, как лепечут листья, как шепчется с ними ветер...

Тамара не смотрела на него, она словно летела в танце. У нее начала кружиться голова, хотя в действительности это

слово он тогда ей и не сказал, оно само, как правда, прозвучало в ее ушах. Все звуки, все предметы вокруг наполнились им. Мир стал удивительно красивым.

Он шагает рядом, говорит что-то, а она его не слышит. Она идет молча, и ей навсегда хочется удержать в сердце это чудесное, звучащее, как музыка, слово...

Но скоро он почему-то стал сторониться ее. Да и Тамара тоже, как увидит его, старается убежать. Только в классе укладкой взглянет на него, и тогда в душе появляется какая-то беспричинная радость. Но как вспомнит, что он стал ее избегать, так сразу горечь заполняет сердце.

Девочка старается избегать откровения с учителями, с подругами. Вот так неожиданно для себя и для других Тамара стала трудной, замкнутой и даже какой-то загадочной.

...Сумерки уже окутали окрестность. Девочке вдруг стало страшно стоять здесь одной возле речки. Она вздрогнула: а что, если сейчас вынырнет водяной, как в детских сказках, и закричит так, что задрожит небо? А может быть, и мышь, которую она видела недавно, тоже какое-нибудь сказочное существо?

Девочка повернулась и быстро побежала в сторону деревни. У околицы, на мостике через речку, она сбавила шаг, и опять нахлынули воспоминания.

«...Вот закончишь среднюю школу и поступишь в институт, — говорили ей все. — Летом будешь приезжать в родную деревню. И все будут говорить: «студентка», «студентка!» А ты подбежишь к матери, обнимешь ее и скажешь: «Мама, я студентка!» А потом запоешь и пойдешь гулять на луга, из птичьих голосов сложишь новую мелодию...»

От этих мыслей сердце переполнилось счастьем и заколотилось в груди сильнее. Тамара рассмеялась.

...А в какой же институт ей пойти? В 9 классе многие еще не знают, куда поступать. В одно время Тамара мечтала научиться шить красиво одежду. Потом захотелось стать певицей: ведь голос у нее — всей округе на удивление!

Девочка тихо запела. Потом громче. Низкий сильный голос полетел над рекой:

— А-а-а-а...

И она еще громче повторила:

— А-а-а-а...

— А-а-а-а... — словно передразнивая ее, из-под моста ответило эхо.

...Девочка ошупью нашла в темных сенях дверную ручку и вошла в избу.

Тетушка Варук, мать Тамары, молча посмотрела на дочь, зажгла лампу. В простенке между окнами остро блеснула игла с длинным хвостом белой нитки.

Девочка сняла пальто, задернула занавеску на печи и пошла к столу.

— Где так долго пропадала? — спросила мать.

— Нигде, — резко ответила Тамара.

— Ты почему так грубо разговариваешь с матерью? Я же тебе не кто-нибудь, а мать. Родила тебя, грудью вскормила. А ты вон как благодаришь. Я в твои годы лес валила, недоедала, недосыпала...

— Мама! Ну почему ты меня все время ругаешь? — вскинула девочка голову и сверкнула глазами.

— Ай-юй! Я ругаю? Да это разве ругань? — запричитала мать. — Ты что, не видишь: дров надо наколоть, зерно занести для просушки... Весь день я как белка в колесе, а ты вон разгуливаешь! Неужто трудно самой догадаться, что нужно помочь? И как только ты жить будешь без меня? Эх, умереть бы мне, а потом воскреснуть да посмотреть, как ты здесь справляешься без меня. Небось, натворишь такое, что в избу не влезешь? По углам змеи да ящерицы заведутся, а тебя пауки оплетут паутиной и задушат... Иди, иди, бегай! И для чего только я родила тебя? Корми ее, одевай, а благодарности и помощи никакой!..

— Мама! — вскипела девочка. — Я устала от твоих упреков! — Девочка уткнулась лицом в подушку и зарыдала.

Тетушка Варук вдруг притихла, застыла посреди избы. Затем положила катушку, которую держала в руке, на стол и обессиленно опустилась на скамью. Руки ее дрожали. По морщинистой щеке скатилась крупная слезинка. Она медленно встала с места и, приблизившись к дочери, присела на край постели.

Некоторое время в избе, будто карманные часики, затикал жук-дровосек, засевший в каком-то бревне.

— Не плачь, доченька, — сказала мать, погладив девочку по голове. — Я ведь что? Я от жалости к тебе самой...

— Так уж ты меня и жалеешь, — проговорила дочь, надув губы. — Каждый раз ни за что ругаешь...

— Да я же тебя предостерегаю, доченька, от ошибок, а не ругаю. Ты есть, небось, хочешь? — уже совсем мягким голосом спросила мать и указала на хлеб, прикрытый чистой тряпочкой. — Перекуси, вон чай еще не остыл, — и, выжидательно помолчав, недовольно закончила: — Была твоя Валя, просила прийти к ней... Дома, говорит, одна боюсь. А мать, видать, все по командировкам носится.

Когда дочь ушла к подруге, тетушка Варук снова — уже в который раз! — задумалась о ее судьбе. Выросла без отца, бедняжка, да и не видела его. Был шофером, пил эту проклятую водку и угодил в колонию. Вышел оттуда, опять напился, подрался и так нашел себе смерть. Тогда Варук была вынуждена уехать от позора на чужбину. Но потянуло опять в родную деревню, вернулась. Хорошо, что колхоз построил избу. Не легко одной было налаживать жизнь. Тамару, конечно, хорошо бы выучить, да хватит ли силенок? А выучилась бы — глядишь, сама себя кормила да одевалась бы не хуже других. Только вот еще эта дружба с Валею... Да ладно уж. У них есть машина швейная, а Тамара страсть как любит шить. А против Вали она потому, что та после десятого класса не пошла в институт, а осталась работать в колхозе...

Тамара, сидя на постели, тщательно расчесывает волосы, потом заплетает их в тяжелые красивые косы. В классе почти все девочки завидуют ее волосам.

Завтрак в этом доме редко проходит без шума. Но сегодня он, кажется, пройдет тихо. Тем более, что тетушка Варук ест и никого не замечает. Неожиданно Миша взял кусок мяса и бросил кошке, которая, мурлыча, терлась об его ногу.

— Вон ты так! Коту мясо кусками бросаешь?! Да я тебя!.. Ты что, сам зарабатываешь, чтоб так мясом распорядиться?

— А почему ты ей мало даешь? — загородил лицо локтями Миша, думая, что мать сейчас ударит его.

— Замолчи! А как это много давать, ты знаешь? Идите поработайте, вот тогда и сами будете много есть и кошек кормить. Ни одного работающего нет, а ртов вон сколько! Я же вас всех одна кормлю! — Женщина вдруг растерянно посмотрела на притихших детей и ушла за печь. Оттуда послышался

ее виноватый голос: — Да ешьте, ешьте, не обращайтесь на меня внимания...

Но Тамара есть уже не могла. Она вышла из-за стола, торопливо оделась и пошла в школу, хотя до звонка еще было больше часа.

Над деревней, опираясь на столбы дыма, висит тяжелое серое небо. По дороге прыгают замерзшие воробьи. Они нахохлились и кажутся большими и сердитыми. Заиндевели телеграфные провода и стали похожи на белые вожжи.

Тамара не может забыть упреки матери. Она острожно шагает по клейкой от грязи дороге и думает, думает над словами матери.

«А может, и правда, пойти работать? Зачем учиться десять лет, если все равно оставаться в деревне полоть посе-вы?» Но ей очень хочется учиться. Ей необходимо осуществить свою мечту... Ведь с самого первого класса им учителя твердили: «Кто окончит школу, тому все пути открыты». И Тамара с детства живет мыслью об институте. А теперь все рушится... Значит, Тамара должна остаться здесь. Мир для нее будет ограничен их деревней, маленьким клубом, где зимой морозно, а летом — пыль и жара... Тогда зачем же стараться хорошо учиться? Зачем так много сидеть за уроками, что не успеваешь никуда сходить: ни в кино, ни на танцы, ни погулять?..

Мысли, что бусы без дырочек: как ни стараешься нанизать их на нить, не нанизываются, рассыпаются. Девочка многого еще не понимает, она понимает только то, что чувствует ее сердце. У нее никак не укладывается в голове, почему именно она должна пойти работать, а не Нелли — дочь председателя колхоза, или Владлен — сын директора школы. Они уже выбрали даже определенный институт, много об этом говорят, рассказывают, где будут учиться, будто уже поступили. Ведь их родители, она знает твердо, даже не заикаются о том, чтобы после школы они пошли работать, как хочет ее мать...

Никем не замеченная, Тамара вошла в класс. Ребята, как грачи, сбегаются в класс минут за пять до звонка.

Три дня назад в их школу приехали на практику несколько студентов. Иногда они приходят в класс всей группой: один дает урок, остальные слушают. К их классу тоже прикреплен

студент. В первый же день он солидно представился: «Геннадий Васильевич». Тамара сторонится его, потому что он всегда присаживается за ее парту и рассматривает ее книги, дневник.

* * *

Тамара не делит предметы на хорошие и скучные, все любит одинаково. Ее душа не успокоится, пока она не сделает уроки по всем предметам. Если не выходит какая-нибудь трудная задача, Тамара будет решать столько времени, сколько надо, чтоб ее решить, но тогда для других предметов может и времени не остаться. Ей приходится сидеть допоздна. А в полночь мать заставляет уже тушить свет.

И все же уроки Веры Федоровны, преподающей физику, Тамара любит больше других. Вера Федоровна не заставляет рассказывать правила точно так, как в книге, как это делают другие учителя. «Как понимаете, так и рассказывайте», — говорит она обычно.

Сегодня урок Веры Федоровны — первый. Учительница вызвала Тамару и спросила у нее три правила, потом заставила написать одну формулу. Тамара ответила, и Вера Федоровна поставила ей «4». Последний урок — история, ведет его директор школы Петр Петрович. За несколько минут до звонка директор поучительно говорит:

— Перед вами, ребята, сейчас все пути открыты, кем бы вы ни захотели стать: инженерами, врачами, учителями...

Директор перечисляет много специальностей и, видимо, насчитал бы их еще, но тут кто-то громко спрашивает:

— А если кто не сможет поступить в институт, тогда что делать? В прошлом году из наших выпускников поступил только один Брайнин — сын председателя сельсовета.

— На производство, друзья мои, на производство, — бодро отвечает директор. — Рабочий класс — ведущая сила! А сколько профессий только в нашем районе, так сказать, сельскохозяйственных! И все они почетны!

Ребята обратили внимание, как сын директора школы, Владлен, откинул крышку парты и начал что-то искать в пухлом портфеле. Уши его покраснели, как петушиные гребешки.

Звонок прервал патетическую речь Петра Петровича.

* * *

Неделя прошла без каких-либо перемен. Она тянулась подобно бесконечному, однообразному дню.

И все же что произошло за это время в жизни Тамары?

Тамаре казалось, что за последнее время она стала чувствовать все как-то острее, больше понимать себя. Когда была маленькой, когда еще в помине не было этого ободряющего чувства самопонимания, в ее душе было тихо, спокойно.

А теперь почти каждую перемену она стоит у окна и в глубоком раздумье смотрит на улицу, где кругом все бело. Это печалит душу. Ребятишки играют в снежки. Тамаре даже захотелось взять на руки вон того краснощекого бутуза и потискать его...

«Ведь когда-нибудь и я стану матерью...» Тамара покраснела и огляделась кругом, будто кто-то мог догадаться о ее мыслях. И тут она заметила Валентина Сорокина, который неторопливо шел по коридору настоящей мужской поступью. Тамара вздрогнула и поспешно отвернулась.

«Как скучно было бы в школе, не будь Валентина...»

Правда, Валентин в последнее время почему-то стал своенравным, необщительным. «Он даже здороваться перестал, — неожиданно для себя сделала открытие Тамара. — Постой-ка, когда мы встречались с ним в последний раз? Весной?.. После восьмого?.. Верно, и с весны больше не встречались? — уже всерьез испугалась Тамара. — И не здороваются вот уже два месяца!..»

Тамара едва сдержала себя, чтобы не окликнуть Валентина... А на следующем уроке Валентин передал ей учебник алгебры. Тамара раскрыла книгу и вздрогнула: там лежала записка и на ней написано «Голубевой». Буквы прыгали. Видно, парнишка волновался. Тем более, что в классе у него был самый лучший почерк!

Девочке показалось, что она держит в своих руках ладонь Валентина. Она украдкой взглянула на Сорокина. Тот сидел пунцовый и грыз карандаш.

Тамара тут же хотела прочесть записку, но учитель сделал замечание. Тогда она крепко сжала записку в ладони и, как во сне, просидела до конца урока. Когда прозвучал звонок, Тамара, стараясь держать себя так, как будто ничего не произошло, вместе со всеми вышла из класса.

В коридоре стоял шум, толчея. Поэтому девочка выбежала во двор. Но и здесь неудобно: сильный ветер кружит мокрые хлопья снега. Галка, взлетевшая было против ветра, повисла в воздухе и раскачивается с боку на бок. Вот ее подкинуло вверх и тут же швырнуло вниз, к земле. Только маленькие щеглы с желтовато-розовыми зобами оказались похитрее: они то вприпрыжку, то планируя по затишью вдоль строений, летят куда им нужно.

Тамара осмотрелась, завернула за угол школы и вынула из кармана письмо.

«Тамара! — прочла она. — Простите...» «Простите?..» — прошептала она, возвысив голос на слоге «те». Почему «те»? Неужели мы стали настолько чужими? На «вы» обращаются друг к другу лишь те, кто совсем не товарищи и не друзья...» Кто-то пробежал совсем рядом, громко топоча ногами. Тамара зажала письмо в руке. Когда смолкли шаги, она снова развернула листок. «...обманул. Я все объясню, когда встретимся...» «О чем это он? Кто кого обманул?.. Нет, наверное, он что-то путает...» — заволновалась девочка. И все же сердце ее тревожно дрогнуло, почуяв недоброе. Тамара еще раз внимательно прочитала письмо. Теперь уже буквы плавали перед ней, хотя она крепко держала листок. «Тогда я обманул тебя. Я не тебя — другую любил... Я и себя обманул. Я должен все объяснить тебе. Мы с тобой будем друзьями. Когда я тебе все расскажу, то ты меня поймешь. Вот увидишь, поймешь и не будешь обижаться... Напиши, когда встретимся. Валентин».

«Ну и пусть! — шептали ее губы. — Ну и пусть...»

Тамара вошла в класс с гордо поднятой головой, но слезы были готовы брызнуть из глаз. И ребята сразу заметили это.

— Смотри, как идет!

Тамара прошла к своей парте и села.

А потом произошло такое, чего от нее никто не ожидал. Елена Сардоновна, преподававшая немецкий язык, попросила Тамару ответить на первый вопрос домашнего задания. Голубева встала и вызывающе сказала:

— Я не готовилась!

— А ты все же выйди к доске. Может, что-нибудь да знаешь, — сказала учительница.

— Не хочу! — ответила Тамара и посмотрела на Валентина. Вот, мол, я какая!

— Что все это значит, Голубева?

— Ничего... — Девочка расплакалась и выбежала из класса.

Возвращаясь домой, Тамара пыталась понять, что же произошло с ней. Почему она так грубо ответила преподавателю? Ведь не Елена Сардоновна виновата в том, что Валентин не любит ее... Правда, они были очень дружны. Жили рядом, вместе играли, ходили в кино и ничего особенного между ними не было до тех пор, пока весной, после восьмого класса, Валентин не сказал ей дрожащим голосом: «Я, Тамара, хочу тебе одно слово сказать...» Она не помнит, сказал он ей то слово или почудилось. Но с тех пор Тамара потеряла покой и все в ней перевернулось. Она стала замечать, что и другие девочки изменились: чаще стали шептаться, доверяя свои тайны только своим подружкам, стали обсуждать мальчишек из другого класса, будто видели их в первый раз, жаловались друг другу на строгость родителей, в портфелях появились зеркальца, фотографии киноактеров, актрис... «Кому рассказать сейчас, что творится у меня в душе? Как набраться храбрости, чтобы извиниться перед учительницей?..» Тамара уже давно плакала, но не замечала этого. Слезы текли по холодным щекам. «Может, маме рассказать обо всем?» Но эта мысль сразу же встретила протест души: «Опять скажет: «Где же ты шаталась, что даже вся продрогла?» А потом начнет упрекать и хлебом, и одеждой, и будет жаловаться на свою нелегкую долю. Нет, уж лучше она сейчас пойдет к Вале и посидит у нее до вечера... У Вали тоже нет отца — убежал куда-то...» От этой спасительной мысли ей сразу же стало тепло — она вволю навозится с четырехлетним Колей, братом Вали, расскажет ему сказки, а он будет ее ласкать пухленькими ручками и приговаривать: «Я люблю тебя, тетя Тамара...»

Где-то дико закричала кошка. Тамара вздрогнула от испуга. Она дошла до пятистенного дома и свернула в ворота. Валя была дома одна.

— Ой, Томочка! — радостно воскликнула она и обняла подругу. — Как я тебя ждала сегодня! Сижу вот одна. Настроение муторное-муторное.

Кисло улыбнувшись, Тамара освободилась от Валиных рук, сняла пальто. Валя не заметила, что подруга чем-то расстроена. Она сразу же начала тараторить:

— Я одна дома. Мама на дежурстве. Придет только ночью. Мне страшно одной. Я сегодня всю ночь сидела и смотрела в окно. На стекло падали снежинки, красивые, красивые...

— А где же Коля? — перебила подругу Тамара.

— А Коли нет! В детский сад отдали. Теперь он только один раз в неделю будет дома, — радостно сообщила Валя.

Тамара с минуту помолчала.

— А где швейная машина? — спросила она, осматриваясь вокруг.

— Сестра забрала.

Тамара села и уставилась в окно. На душе стало совсем пусто. Валя внимательно посмотрела на подругу и только сейчас заметила, какие большие перемены произошли в характере Тамары за последние месяцы. Тамара была порой дерзкой даже с ней, Валею, которую любила и уважала. Но сегодня она была тиха и печальна. Улучив момент, Валя решила вызвать подругу на откровенность. Тем более, она кое о чем догадывалась. Ведь она тоже была влюблена после восьмого класса в Петю Кривошеева, который не обращал на нее никакого внимания. И тогда Вале казалось, что на земле нет никого несчастней ее. Ей тогда не хотелось учиться, все раздражало, а добрые советы старших только нервировали ее. Может, это было результатом того, что в детстве она не раз была свидетельницей, как ругаются отец с матерью. Валя тогда никак не могла понять, почему происходит такая перепалка между родителями. Наругавшись, родители ложились спать и сразу же засыпали, а она, уткнув лицо в подушку, украдкой плакала, жалея и мать, и отца. Утром отец, хмурый, уходил на работу, выпив на дорогу несколько ковшиков воды. Мать вслед с укором и мольбой говорила:

— Не пей уж сегодня. Сколько можно?

— Без тебя знаю! — отрывал отец и громко хлопал дверью.

А Валя лежала не шелохнувшись, чутко ловя каждое движение взрослых. Всю трагедию семьи она поняла намного позже, когда стала учиться в третьем классе. Однажды, возвращаясь из школы, она услышала на улице разговор соседок, которые, глядя на нее, говорили участливо:

— Хоть бы ребенка пожалел, если ему жена не дорога...

— Где уж там! Пьянице дороже зеленого змия ничего на свете нет...

— Пьяница за рюмку мать родную продаст...

Тогда Валя прибежала домой и хотела рассказать отцу, как плохо о нем говорят соседи. Однако сделать ей это не удалось: пьяный отец гонял по дому мать и грозился поймать ее и убить.

— Папа, не надо! — закричала девочка и вцепилась отцу в пиджак.

— Ты... ты... еще ребенка натравливаешь на меня, на отца! — еле вороча языком, проговорил пьяный и с силой оттолкнул девочку. Валя отлетела под лавку и ударилась головой об стену...

Потом Валя долго лежала в больнице и отца уже больше не видела. Говорили, что он их бросил. Ее с тех пор будто подменили — она часто грубила матери, соседям, завидовала девочкам, у которых были добрые отцы, дралась с мальчишками. А когда влюбилась в Петю из параллельного класса, то мать, тихая женщина, совсем не могла совладать с ней.

Валя была уверена, что Петя тоже должен любить ее, тем более, что на школьном вечере он прислал ей записку: «Валя, я влюблен в вас. Х.» С тех пор Валя не находила себе места. Она терпеливо ждала два года, но Петя так и не сказал ей больше волшебного слова. Она почти еженощно видела его во сне. Он приходил к ней как сказочный принц. Она представляла, как пройдет с ним перед односельчанами... Но это были только мечты. На выпускном вечере Валя узнала, что Петя любил ее подругу Олю. Перед Валею померкло солнце. Во всех людях она теперь видела своих врагов, желающих ей только зла и неудачи.

Тогда Валя в отместку решила с первым попавшимся парнем пойти куда угодно и на что угодно... Может быть, легче было бы Вале, если бы у нее был более открытый характер и дома царил бы благополучие. А то как раз в это время к ним вернулся отец, пожил три года, подебоширил и снова исчез. Родился братишка, и вот уже четвертый год об отце ни слуху ни духу.

Валя в институт не стала сдавать, а осталась в деревне работать дояркой. Она стала еще скрытней, чуждалась людей. Как ни пыталась мать узнать, что творится с дочерью, как ни молила рассказать, почему она такая, так ничего и не

добилась. Только в работе Валя находила удовлетворение. Она с упоением ухаживала за своими коровами, телятами и не теряла надежды, что года через два-три поступит в сельскохозяйственный институт. Другим ее утешением был братишка Коля. Она могла часами отвечать на его сотни «почему» и «что это такое». Наивные, до предела искренние вопросы ребенка будили в ней добрые чувства, которые, как ей казалось, давно уже были погашены в ней.

Зная по себе, что такое одиночество, Валя заметила Тamarу, у которой тоже не было отца. Вале как-то удалось подружиться с Тамарой, хотя она знала, что мать Тамары не одобряет дружбы дочери с ней.

И вот сегодня Валя решила выведать все, что творится в душе ее подруги, с которой она раньше не заводила подобных разговоров. Видно, и Тамаре нравилось, что Валя не допытывает ее расспросами, а позволяет вволю повозиться с Колей.

— Тамара, — ласково заговорила Валя, — скажи мне, почему ты бежишь из дома и почему так молчалива?

Тамара недоверчиво взглянула на подругу голубыми глазами, но, встретив добрый взгляд, отвернулась.

— Если не хочешь отвечать, не надо, — тихо сказала опять Валя.

И тут Тамара, припав к косяку окна, точно прислушиваясь к вою начинающегося бурана, беззвучно зарыдала.

— Не хочешь говорить, не надо, Тамарочка, — начала успокаивать подругу Валя. — Я ведь просто так спросила. Вижу, ты какая-то взвинченная... Думала, может быть, я тебе чем помочь могу...

Тамара подошла к Вале и, как маленькая, уткнув голову в колени, разрыдалась пуще прежнего.

— Ты знаешь, ведь меня никто не любит... Валентин не любит... Учителя не любят... Дома мать ест поедом, чуть что, попрекает каждым куском хлеба...

— Ты успокойся, Тамара, и расскажи мне все толком, ведь я тоже любила... И сейчас твоя беда чем-то похожа на ту, что испытала я. — Валя подняла голову подруги, вытерла ей слезы. — Я знаю, Тамара, с чего начались все наши беды — с отцов. Они были пьяницы, но их все терпели. Терпели мы, дети, терпели соседи, старались не замечать их пьянок на работе,

уговари
с черво
Пытал
в семь
страш
бовь...
Замет
и глаз
да, пр
родит
—
мара.

—
—
—
—
Там

—
хор

—
узн

мне

—
кр

себ

тер

пер

Та

то

ст

ни

за

п

т

н

д

у

У

в

уговаривали их годами наши мамы. Но семьи наши уже были с червоточиной. Мы видели дома каждый день драки, ругань. Пытались как-то осознать, что же все-таки происходит у нас в семьях. Наконец мы озлобились на всех — вот это самое страшное, Тамара. А тут еще непрошенно пришла первая любовь... — Валя говорила неторопливо, точно мыслила вслух. Заметив, как при последних словах вспыхнули щеки Тамары и глаза уставились на нее, Валя продолжала медленно: — Да-да, пришла любовь. Ведь она не спрашивает нас, как живут родители, дерутся они или нет...

— Я-я... я люблю одного парня... — тихо подала голос Тамара.

— Ну и хорошо, — как бы между прочим ответила Валя.

— Он очень хороший... красивый...

— Верю.

— А он меня не любит, — подавленным голосом сказала Тамара.

— Это не страшно. Такая девочка, как ты, должна найти хорошего человека.

— Не знаю почему, но я еще злей стала после того, как узнала, что Валентин меня не любит. Он, оказывается, ко мне относился как друг...

В этот вечер Тамара рассказала подруге о себе самое сокровенное. Вале было трудно понять, где Тамара чувствует себя хуже: в школе или дома? Расскажи Тамара все это матери, тетюшка Варук просто слушать бы не стала о душевных переживаниях дочери. Для начала она попросту бы побила Тамару.

В школе учителя заметили, что Тамара влюбилась в кого-то... Молодой учитель Геннадий Васильевич пытался понять строптивую девочку, несколько раз вызывал ее на откровенный разговор, но из этого ничего не вышло. Тамара все больше замыкалась в себе, перестала дружить с одноклассниками, по-прежнему вызываясь вела себя с учителями. Молодой учитель несколько раз видел Тамару в клубе со взрослыми парнями. Заметив Геннадия Васильевича, девочка хватала с подоконника пальто и стремглав бросалась на улицу. Вслед ей улюлюкали пьяные голоса да фальшиво пиликал гармонист. Учитель встретил в клубе еще нескольких учениц из девятого класса. Об этих встречах он ничего не сказал в школе, но

для себя сделал вывод: «Школьницам скучно, и их надо занять чем-то более интересным, чем танцульки в клубе».

Заговорив однажды в учительской о работе сельского клуба, Геннадий Васильевич был поражен тем, что вот уже много лет никто из учителей не был в клубе и совсем не знал, что там делается.

На удивленный взгляд практиканта учительница арифметики сказала:

— У нас у каждого дома семья, хозяйство, и нам некогда расхаживать по клубам. Тем более, что там хоть волков морозь.

— Вот-вот, поэтому-то нам и необходимо знать, как проводят свой досуг наши ученики. У них сейчас переходный возраст. Порою простое любопытство может окончиться печально...

Учителя отмолчались.

Рассказывая о практиканте, Тамара намекнула, что она нравится Геннадию Васильевичу.

— Ну и чудесно, — сказала Валя, — что молодой учитель так внимателен к тебе. И не такая уж ты разнесчастная, как представила все вначале. Я тебе говорила, что я тоже была влюблена, как и ты, и тоже в девятом классе и тоже страдала, так как он меня не любил...

— Ты страдала? — удивилась Тамара. — А я думала, что ты никого еще не любила, кроме своих коров и Коли!

— А ты что весь вечер сидишь в платке? — спросила вдруг Валя и попыталась помочь Тамаре развязать платок. — Сними, сейчас будем пить чай. — Но Тамара отскочила, как ошпаренная, и снова превратилась в озлобленного зверька.

— Да ты что, Тамара?

Девочка, заплакав, опустила на плечи платок... И тут Валя ахнула:

— Да что ж ты, глупенькая, наделала? Где твои косы?

— Сегодня после школы зашла в парикмахерскую...

— Зачем ты это сделала?

— Парни в клубе посоветовали...

— Какие парни?

— Петр Вильяминов... Ты его знаешь... Он смеялся над моими косами, когда танцевали, говорит, что это за детский сад...

— Шофер, что ли? Тот, что ходит всегда пьяный и лохматый?

— Он... Говорит, что теперь совсем не модно с косами, только в деревнях и ходят с косами, а в городах все девчата стригутся под мальчишек, а парни отпускают волосы до плеч...

— Да кого ж ты послушалась? Мать-то хоть знает?

Тамара покачала головой, тяжело вздохнула, нервно заходила по комнате.

— Как же ты теперь домой покажешься?

Тамара молчала.

Неожиданно открылась дверь, и холод белым туманом хлынул в избу. На пороге стояла тетушка Варук.

— Так и знала, что ты здесь! Боже мой! На кого ты похожа?! — всплеснула руками женщина. — Где твои косы? — Она забегала по комнате, заглядывая под стол, под скамейку. Потом схватила дочь за волосы и стала рвать их. — Чтобы не было их совсем! — кричала мать в иступлении. — И за что только мне бог послал такое наказание?..

— Тетя Варук, что ты делаешь? Разве можно так?

— Молчи! Сама-то хороша! Заманиваешь ее, а потом к парням тащишь! Знаю я вас! Пошли домой! Там я еще поговорю с тобой! — Тетушка Варук вытолкала дочь, не дав ей одеться. Валя попыталась заступиться за подругу, но женщина оборвала ее бранным словом.

...Тамара болела тяжело, долго. У нее оказалось двустороннее воспаление легких. Тетушка Варук, наверное, из-за своего упрямства так и не отправила бы Тамару в больницу, если бы тогда не прибежал Геннадий Васильевич, которого известила обо всем случившемся Валя, подробно рассказав молодому учителю о своем разговоре с Тамарой.

Сегодня девочку наконец привезли из больницы. Она сильно похудела. В тот же день Тамару навестили одноклассники. Девочка еще лежала в кровати, по шею накрытая одеялом. Девочки обратили внимание на красивое полотенце, висевшее на трюмо. Их глаза невольно остановились на необыкновенных узорах полотенца. Тамара заметила это и, улыбаясь, сказала:

— Это я в больнице вышила... Это хандыс, кунчек, птичий скачок, — пояснила девочка способы вышивки и увле-

ченно начала рассказывать о своеобразии каждого способа. Девочки и ребята слушали Тамару внимательно и смотрели на нее во все глаза, точно видели ее впервые. Когда Тамара, усталая, откинулась на подушки и замолчала, ребята наперебой стали рассказывать ей о школьных новостях: о подготовке к Новому году, кто с кем дружит, о том, как они всем классом ездили в Чебоксары в театр и все это сделал Геннадий Васильевич, хотя многие учителя и не одобряли его затеи: а вдруг кто потеряется в городе, да и поездка в автобусе не из легких в зимнюю пору. Но Геннадий Васильевич сумел сделать так, что ребята поехали...

Почувствовав, что Тамара устала от такого большого наплыва новостей, вскоре ребята попрощались и ушли. А Тамара долго лежала, прикрыв глаза, и сердце ее наполнялось счастьем.

После выздоровления Тамара навестила свою старшую подругу.

— Опять к ней пошла? — спросила с упреком мать.

Раньше бы Тамара обязательно резко ответила матери. А сейчас девочка спокойно сказала:

— Да, к Вале. Она для меня самый лучший человек в деревне.

— Так уж и лучший?.. Ишь ты, как заговорила! Была бы лучшим человеком, дояркой бы не работала, а училась бы в институте, как другие... Отец был непутевый, и она далеко не ушла.

— Мама, ну зачем же так? А у нас отец разве путевый был? Тоже был пьяница, вот и тебя довел...

Мать хотела еще сказать что-то, но только махнула рукой и ушла в переднюю.

Валя очень обрадовалась приходу Тамары. Она только что пришла с фермы, и от нее вкусно пахло парным молоком. Она приветливо усадила Тамару за стол и стала раздеваться. Сняла резиновые сапоги, отмыла их от навоза и поставила за печку, вытрясла телогрейку от сеной трухи, потом помыла руки. Делая все это, Валя рассказывала Тамаре о своей работе и в то же время расспрашивала ее о здоровье, о болезни.

Тамара подробно рассказала Вале, как к ней приходили ребята из школы вместе с Геннадием Васильевичем.

— Все говорят: в институт пойдем, — закончила Тамара и выжидательно посмотрела на подругу. — А ты как думаешь насчет института?

— Это хорошо, что твои одноклассники учиться хотят, — подседа к Тамаре Валя и обняла ее за худенькие плечи. — Вот только не было бы это ради диплома... Я знаю, надо корове вымя мыть». Слышать мне это, конечно, обидно. Очень обидно. Но теперь-то я точно знаю, что хочу быть зоотехником. Раньше я еще и не знала, куда мне идти учиться. А теперь полная ясность. Я люблю коров, телят, я их понимаю. Посмотри, во что эта любовь превратилась, — и Валя показала подруге свои потрескавшиеся, с желтизной, как у курильщика, пальцы. — А если еще я тебе скажу, — хотя ты, может быть, и знаешь, — что я трижды хожу на ферму, а другие доярки два раза, то я наверняка выгляжу в глазах некоторых односельчан душой со средним образованием. Но ты-то понимаешь меня. У меня теперь есть цель, я знаю, где я могу больше приносить пользы людям. Ведь нам в школе говорят с первого класса: мол, перед вами открыты все дороги, все пути. А как попасть на нужную из них, как ее выбрать, мы не знаем, да просто и не думаем. И учителя почему-то обходят молчанием этот вопрос. А как это ошибочно!

Валя умолкла и отошла к окну.

— Ты уж не сердись, Тамара, что я все о себе да о себе.

— Что ты, Валя, я обо всем этом думала, пока болела, там много времени было... А ты умная и очень хорошая... — Тамара покраснела и в смущении выбежала из дома.

...Весна прошла незаметно. Тамара успешно сдала экзамены за девятый класс и была безмерно рада этому — не отстала-таки от ребят. Некоторые учителя сомневались, что она сумеет догнать товарищей — уж больно много было пропущено уроков. Вначале Тамара и сама не верила в свои силы. И неизвестно, как бы обернулось все, если бы не помогла Валя. Правда, тетушка Варук по-прежнему выговаривала дочери по этому случаю:

— Опять зачастила к ней, — Тамара понимала, кого имела в виду мать. — Ой, не доведет она тебя до добра!

— Мы же с ней занимаемся, — отвечала дочь. — Она мне помогает в учебе.

— Знаю, знаю, чему она тебя учит! — многозначительно говорила мать.

Может быть, тетушка Варук и вцепилась бы, как раньше, дочери в волосы, если бы не помнила слова молодого учителя: «Если, Голубева, вы и в дальнейшем будете так обращаться с детьми, особенно с Тamarой, то придется нам с вами в другом месте встретиться».

И вот теперь, когда все горечи и переживания были позади, Тамара, хотя ее и оставляли дома, решила поехать с группой школьников во главе с Геннадием Васильевичем на сенокос.

* * *

Луга были в километрах шестнадцати от деревни, поэтому выехали ранним утром на трех подводах. На передней телеге тряслись трое: экономист колхоза Мирон Титович Вирцов, сухошавый мужчина с высоким лбом и кротким, как у голубя, характером, любитель проводить летнее время на свежем воздухе; его сын Володя, в этом году окончивший десятый класс и очень похожий на отца, такой же светловолосый, с коричневыми глазами, и Настя — конюх, женщина лет сорока, приземистая, с мужским характером.

На второй телеге ехали учитель-пенсионер Семен Павлович, еще четыре года назад преподававший в школе биологию, Геннадий Васильевич, Тамара, подруга Рая и дядя Тамары — Василий Можав. Он долгое время жил среди русских, но, несмотря на это, чисто говорил на чувашском языке.

На последней, особенно громыхавшей и скрипевшей телеге, ехали три паренька-девятиклассника и две девочки.

Лошади, не видевшие несколько дней хомутов и отъевшиеся за это время, никак не могут войти в ритм бега. Они идут лениво, часто останавливаются, а на подъеме пошли еще тише.

Только что взошедшее солнце заливает ярким светом все вокруг. Чистое небо предвещает, что день будет жарким. Дорожная пыль, слегка прибитая росой, прилипает к колесу, и за телегой остаются сизо-белые полосы. По левую сторону — туманная пойма, пруд водяной мельницы. И на пойме, и в поле бродят стада коров, овец, только что выгнанных из деревни.

Ребята на третьей подводе запевают песню. Володя сонно наблюдает за окружающей природой и в то же время поглядывает на телегу, на которой едет Тамара. Володе тоже хочется, чтоб она посмотрела в его сторону, но она склонилась голову и, чему-то улыбаясь, стегает прутиком по придорожным кустам.

Когда подъем стал круче, все сошли с телег, на лошадях ослабили и чересседельники.

Наконец дорога выровнялась, и подводы вскоре въехали в сосновый бор. Разлапистые ветви высоких стройных сосен сверху соединились друг с другом, образовав своеобразный навес. Дорога здесь вся переплетена корнями могучих деревьев, телегу бросает с боку на бок, когда она попадает в рытвины. В ямках все еще стоит вода, хотя дождь прошел еще позавчера. В лесной тени лежат догнивающие коряги, сухой валежник. Над лошадьми кровожадно вьются крупные слепни, и животные судорожно трясутся всем телом, нещадно хлещут себя хвостами.

Остановились, не доехав до края леса с полверсты. Мужчины распрягли лошадей. Настя и девчата сложили сбрую на телеги. Геннадий Васильевич помог ребятам сгрузить с телеги вещи и пошел выбирать место для шалаша. Девчат он послал искать родник, чтобы была питьевая вода. Можаяев, Вирцов, Володя обходят участок, отведенный под косьбу.

— Сегодня уж и косу в руки брать не стоит, — говорят взрослые, — трава сухая. Завтра по росе начнем... — И они уходят рубить ветки для шалаша, девчата собирают валежник на дрова, носят воду, чистят картошку.

— Шалаш будем строить только для девчат, а сами и под небом не пострадаем, — говорит Можаяев. — Так что ли, мужики? — обращается он к ребятам. Те молча кивают в ответ головой.

Утром Мирон Титович еще до восхода солнца разбудил сына. Володя спустился умываться в овражек, где бил родник, да такой холодный, что даже зубы ломит. Спрятался он под красной ивой, в густых зарослях орешника. Вода в нем чуть желтовата, но на вкус хороша, немного солоноватая и мягкая. Такая вода хорошо утоляет жажду.

Вскоре сюда же, напевая, спустилась Тамара. Услышав ее голос, Володя быстро вытерся и, надев майку, присел под куст орешника. Девушка, зажав коленками платье, нагнулась

к воде, умылась, потом стала расчесывать все еще короткие, как у мальчишки, волосы.

Володя знал Тамару с первого класса. И только сейчас она ему показалась необыкновенно красивой. Он смотрел на нее как замороженный. Боясь смутить девушку своим присутствием, Володя быстро и бесшумно поднялся из овражка. Ему невольно вспомнилось, как накинута на него мачеха, когда он сказал дома, что самая лучшая девочка в школе — это Тамара Голубева из девятого класса, хотя она и очень замкнутая.

— Нашел хорошую девочку! — кричала мачеха. — Да знаешь ли ты, кто у нее родители? Отец алкоголик, а мать истеричка и грубиянка. А яблоко от яблони недалеко падает, ты это должен знать... Еще не известно, почему ее положили в больницу и почему ваш практикант уделяет ей особое внимание, — недвусмысленно закончила женщина.

Володя начал было горячо защищать Тамару, но тут вмешался отец:

— Прекрати пререкаться с матерью!

«Нет, Тамара вовсе не такая, как о ней говорят в деревне! Она — чудесная!» — думал Володя, шагая по лесу. Он чувствовал сейчас во всем теле необыкновенную легкость, необъяснимая радость переполняла душу. Ему хотелось скорее начать косить — и чтобы его обязательно видела Тамара! — петь, кричать...

Лес проснулся от перезвона кос, который раздавался то в одном, то в другом месте и был похож на перекличку каких-то диковинных птиц. Это правили смолянками свои косы косари. Потом вдруг по всей поляне стал раздаваться звук, похожий на дыхание сказочного улыпа. Хаш-тык! Хаш-тык! Птицы, вначале испуганные этим странным звуком, притихли, потом, видимо, привыкли и тоже начали подавать голоса. Под косой безвольно падают зонтичные омежники, кукушкины слезки, кустики земляники. Звонко цвиркая, высоко прыгают потревоженные кузнечики.

Взрослые начали косить с одного конца, школьники — с другого. Молодость есть молодость, и ребята, частенько забывая о косьбе, начинают рыться в траве, собирать ягоды. Тогда раздается подбадривающий голос Геннадия Васильевича:

— Хватит, лакомки, после работы ягод отведаем!

К полудню становится жарко, и ребята, обгоняя друг друга, спускаются к ручью. Первым до воды добегают Володя. Набрав воды, он выходит из оврага. Навстречу ему бегут к ручью девчата.

— Володя, дай глоток воды! — кричит Тамара. — Я прямо умираю от жажды! — И она подставила руки.

Юноша с радостью налил в пригоршни Тамары воды. Когда их глаза встретились, Володя заметил, что от ярких солнечных лучей зрачки у девочки стали маленькими-маленькими.

Взрослые тем временем уже вскипятили чай с листьями малины и смородины. Сели обедать. Володя чувствовал, что на него украдкой посматривает Тамара. От этого ему становилось еще жарче, и он забывал отдать отцу кружку с чаем, из которой они пили вдвоем. Отец отнес рассеянность сына к усталости.

Остаток дня Володя находился в плену какого-то непонятного чувства. Вечером он уединился, и все ему казалось новым, будто он видел впервые и этот темный лес, и открытую поляну... Солнце только что опустилось за дальний перелесок, а деревья и трава сразу же порозовели, и чуткая тишина царственно наложила свою власть на все живое. Только озорные кузнечики стрекочут мелодично, как бы боясь нарушить этот первозданный покой. Но так тихо лишь до появления первых звезд.

...Володя долго не может уснуть. Он слышит, как в соседней деревне поют девчата, играет гармонь. Временами кажется, что песня звучит совсем рядом, на поляне. Вдруг на дереве начинает жужжать какая-то букашка, попавшая в паутину. А вот заухала сова, точно нарочно пугает ребят. И тут Володя заметил: из шалаша, где спали девушки, кто-то вышел. Человек, как лунатик, передвигался по поляне, оставив за собой следы. Володя узнал Тамару. Он неслышно поднялся, чтобы не разбудить отца, и пошел к девушке.

— Ты что тут делаешь? — спросил юноша, подойдя к Тамаре.

— Посмотри, какие красивые светлячки! — И она ткнула ногой трухлявый пенек. — Посмотри, они манят, как звезды...

— Очень красивые, — согласился Володя и осторожно взял Тамару за руку.

Так они проходили до первых лучей солнца, взявшись за руки.

Наступивший день для Тамары был по-особенному красив. Она замечала все, мимо чего раньше проходила, не обращая внимания. Девушка с умилением разглядывала подберишки на крепких ножках, их тяжелые коричневые шляпки блестели, точно смазанные маслом. Даже в монотонном жужжанье пчел, круживших над пышной, усыпанной желтыми цветками липой, Тамаре слышалась чарующая музыка. Вдруг ее слух уловил залиvistый, на грани срыва, посвист соловья. Тамара заметила, что соловей каждый раз высвистывал другой мотив, более совершенный и более красивый, чем предыдущий...

Если для многих ребят две недели покоса тянулись долго, то для Володи и Тамары они показались мгновением. И в день возвращения в деревню они погрузстнели, это заметил даже Геннадий Васильевич. Перед отъездом он предложил:

— Пойдите-ка, погуляйте по лесу, пока мы здесь все соберем.

— Верно, — добавил Тамарин дядя. — Нарвите цветов... Поработали вы хорошо.

Володя и Тамара поотнекивались немного, а потом медленно пошли в сторону леса. Когда они скрылись от людских глаз, то побежали наперегонки.

— Володя, стой, я не могу больше!.. — остановилась, едва переводя дыхание, Тамара.

— Тамара, ты знаешь... — Юноша подошел к ней. — Мне так хорошо сейчас, — начал путанно Володя.

— Мне тоже... Как хорошо, что я поехала на покос!..

— Тамара, ведь я давно... знаешь, очень, ну... люблю тебя... — Володя не знал, что говорить дальше, во рту все пересохло, и, казалось, еще минута обоюдного молчания — и у него лопнут от напряжения нервы, остановится сердце. Володя во все глаза смотрел на Тамару и ждал.

— Я... Я... тоже... — прошептала Тамара и сделала шаг вперед. Володя обнял ее дрожащие, как в лихорадке, плечи.

— Тамара...

— Володя, если ты не пройдешь по конкурсу, не уезжай, пожалуйста, из деревни, — сказала тихо-тихо девушка, уткнув лицо в грудь парня. — Мне без тебя будет плохо...

— Не уеду, конечно, не уеду! Мы будем вместе, Тамара.

— А на следующий год мы поедem снова, хорошо?

— Хорошо...

...На горе, в густой пелене тумана, похожей на обрушившуюся на земле тучу, стоят парень с девушкой. Издали их нечеткие силуэты кажутся добрыми духами, рука об руку летающими по небу.

Еле уловимый звон осиновых листьев предвещает о приближении ветра. Чувствуется, как по-богатырски свободно дышит утренняя земля.

А на востоке, словно распускающийся красный мак, залело утро. Там, окутанное в красную пелену зари, дремлет в колыбели восхода будущее счастье двух влюбленных сердец... Красный мак вешает им счастье.